

ПРИГОВОР ОБЫВАТЕЛЬЩИНЕ

Гастроли Государственного русского драмтеатра
Литовской ССР

ПРИГОВОР веселый, но беспощадный. Приговор обывательщине во всех ее проявлениях не только в прошлом, но и сегодня — так воспринимается поставленная Государственным русским драматическим театром Литовской ССР феерическая комедия В. Маяковского «Клоп», которой коллектив начал свои гастроли в Кишиневе. Написанное более тридцати лет назад, это произведение, верно прочитанное режиссером, заслуженным деятелем искусств Литовской ССР Л. Лурье и изобретательно оформленное художником И. Ивьяновым, оказалось очень злободневным в наши дни, когда советское общество, строящее свое светлое завтра, решительно борется с тунеядцами и демагогами, стяжателями и подхалимами — всеми паразитирующими элементами, которые мешают народу в его поступательном движении вперед.

Вот они ползают перед нами, словно под увеличительным стеклом, эти клопы, выползшие, говоря словами одного из персонажей комедии, из «затхлых матерцев времени». И один из них, пожалуй, самый «чужак», сразу же обращает на себя внимание своей особой безжизненностью и живучестью. Это — Присыпкин, согласно авторской ремарке, бывший партиз, бывший рабочий и, хочется добавить, бывший человек.

Уже в первой картине перед нами довольно отчетливо вырисовывается образ Присыпкина. За его анимированным (отсутствующий взгляд, постоянные дурацкие ухмылки, сопровождаемые излобленными межбровием «Во!», разболтанная походка и резкие, категоричные жесты), за его глупыми высказываниями («В нашей красной семье не должно быть никакого мешачьего быта и брючных неприятностей», «...я против этого мешачьего быта — канареек и прочего... Я человек с крупными запросами... Я — дерзанным шкафом интересуюсь...») мы видим внутреннюю пустоту и самоополчение обывателя-демагога, ради личного благополучия, мешачьего сытого и спокойного быта «с треском» отрывающегося от своего класса.

С каждым новым появлением на сцене актер Е. Красильников все полнее и отчетливее показывает характер этого персонажа. С настойчивостью неизменно разучивает Присыпкин — Красильников смешотворный танец, которым «блеснет» потом своим «креском бракосочетания» с дочкой пивовара: с искренним возмущением парирует упреки обывателей обихотист, заявляя: «За што я боролся? Я за хорошую жизнь боролся. Вот она у меня под руками: и жена, и дом, и настоящее обхождение... Кто волевал, имеет право у тихой речки отдохнуть. Во! Может, я весь свой класс своим благоустройством возвышаю. Во!»; с чувством собственного достоинства объявляет свою свадьбу «открытой»...

А затем мы видим Присыпкина, размороженного после оледенения (в таком состоянии он находился пятьдесят лет) в научно-исследовательском институте. Поначалу перед нами все тот же самодовольный, неулыбающийся и грубый пьянчуга. Но вот первый приступ испуга искажил его лицо: где справки? Ведь по глубокому убеждению Присыпкина, без бумаж, удостоверяющих личность, нет и его са-

мого. Животный страх охватывает Присыпкина — Красильникова: он не видит привычной обстановки, привычного общества, за счет которого существовал и, охваченный паническим ужасом, он, удивительно жалкий и смешной, кричит: «Кто я? Где я? Куда я попал? Куда меня попали?.. Один!!!».

Обретший свой душевный покой как экспонат-звероподобного мешанина далекого прошлого, Присыпкин вновь громогласно заявляет о своем «я». На полном серьезе величает он себя «теменюком» и в то же время возмущается наступившей жизнью, когда неделя адосталь наказать себя «алкоголем» и «даже карточку любимой девушки к стенке прикрепить — все кнопки об проклятое стекло обламываются».

Наконец, нельзя не вспомнить отлично проводимую актером сцену, когда Присыпкин, выпущенный из клетки, с лицом одновременно восторженным, недоумевающим и возмущенным, отталкивает окружающих и, швыряя в сторону гитару, овет в зрительный зал: — Граждане! Братцы! Свои! Родные! Откуда? Сколько вас? Когда же вас всех разморозили? Чего ж я один в клетке? Родные, братцы, пожалте ко мне! За что ж я страдаю? Граждане!

Образ Присыпкина является одним из самых сильных сатирических образов в советской драматургии. Он требует от исполнителя неслыханного комедийного дарования, богатой сценической изобретательности, темпераментности. И очень отраднo, что заслуженный артист Литовской ССР Е. Красильников в полной мере продемонстрировал эти качества.

И еще отраднее то, что он — не исключение. На высоте оказались, пожалуй, все участники постановки. В том-то и сила спектакля, что она определяется не только замечательным исполнением

роли Присыпкина. Каждая, даже, казалось бы, незначительная роль, каждая мизансцена, декорации и музыкальное оформление (композитор Б. Горбульский) тщательно продуманы.

Наиболее показательна в этом отношении сцена свадьбы, развертывающаяся очень динамично и четко. Это большая и цельная картина обывательского гнева. Каждый персонаж проявляется здесь в полной мере, привлекают взгляд к себе: пышная счастливая невеста, говорящая больше всего глазами и блаженный улыбка (заслуженная артистка Литовской ССР Е. Вишневецкая); ее не менее дорогая мать, шедро потчующая гостей окороком — все равно стал портиться (исполнительницу этой роли — актрису Р. Павлову зрители оценили уже в первой картине спектакля); расстаркивающиеся, веселящий «почтенную публику» подхалим Баян (артист К. Малых); мистифицирующая меланхоличная шаферница (заслуженная артистка Казахской ССР И. Аркадьева); мрачный шафер, которому даже клавиши рояля кажутся зубами и который по этому поводу очень смачно и по-своему мечтательно произносит: «Вдарить бы!» (заслуженный артист Литовской ССР С. Лобанов) и другие.

Итак, наши гости сделали творческому заявлению. Они показали, что их искусство — искусство действенное, идущее в ногу с жизнью. Неудивительно, что кишиневские зрители тепло приняли спектакль. Они вправе надеяться, что очередные постановки театра решены на таком же художественном уровне и в такой же степени целенаправленны.

Н. ПОЛЮХОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля.

Фото Е. Зайдмана.